

Художественное пространство повести Н. Гоголя "Страшная месть"

У статті розглядається питання про природу художнього простору повісті М. В. Гоголя "Страшна помста".

Ключові слова: система образів, художній простір, побутовий простір, чарівний простір.

В статье рассматривается вопрос о природе художественного пространства повести Н. В. Гоголя "Страшная месть".

Ключевые слова: система образов, художественное пространство, бытовое пространство, волшебное пространство.

The article discusses the nature of the artistic space Gogol story "Terrible revenge".

Key words: system of images, art space, domestic space, a magical space.

Повесть Гоголя "Страшная месть" вошла во вторую часть "Вечеров на хуторе близ Диканьки". Но не смотря на тематическую соотнесенность с другими произведениями этого сборника, "Страшная месть" занимает в нем особое, отличительное место. Оно определяется, прежде всего, необычным решением проблемы художественного пространства и времени. Этот вопрос и до настоящего времени в литературоведении так и не получил полноценного раскрытия.

Одним из первых к этой проблеме обратился Ю. М. Лотман в работе "Художественное пространство в прозе Гоголя" [10]. Так, в частности, анализируя художественное пространство "Вечеров на хуторе близ Диканьки", он указывает на сугубо индивидуальные особенности "Страшной мести". Н. Н. Арват исследует взаимообусловленность пространства и времени в этой повести Гоголя, выделяет отличительные черты бытового и исторического пространства произведения, определяет различные составляющие художественного времени [3, с. 4]. Целый ряд статей, посвященных анализу фольклорных истоков "Страшной мести", выяснению исторических реалий произведения, его жанровой специфики, есть у Т. М. Чумак [15; 16; 17; 18; 19]. В несколько отличающимся от интересующего нас контекста рассмотрения повести обращаются к ней С. И. Машинский [12], Ю. В. Манн [11], А. В. Александров [2], С. Д. Абрамович [1] и другие исследователи гоголевского творчества (напр., [7]). Из работ последнего времени можно отметить

работы А. Г. Зелинского [8], Р. Скибы [14], Р. Семкива [13], Р. Крохмального [9]. Так, в частности, А. Г. Зелинский дает отнюдь не бесспорную систему доказательств своей точки зрения (см.: [8]). Исследователь сравнивает Данила с солнечным божеством, с Богом Ра в египетской мифологии и с богом Сурья – в древнеиндийской, а Катерину – с дочерью Ра Маат. Подобные аналогии ничем не подтверждаются, кроме определенного сходства между Данилом, Катериной и древнемифологическими богами. Также А. Г. Зелинский не приводит убедительных доказательств, когда сравнивает дуб, с которого Данило наблюдал за действиями колдуна, с мировым деревом, и Днепр – с мировой рекой, якобы моделирующей тройную вертикальную структуру мира.

"Страшная месть" состоит из шестнадцати глав. В первых пятнадцати главах повествуется о трагическом жизненном финале семьи пана Данила. Действие в них логически взаимообусловленно, разворачивается в смысловой последовательности. Фантастические события связаны с образом колдуна и его антипода – чудо-богатыря, посланца Бога, укротителя персонифицированной силы зла. Шестнадцатая же глава повести одновременно выполняет функции как пролога, так и эпилога, поскольку является, с одной стороны, объясняющей предысторию происходивших ранее ее во времени событий, а с другой – подводит их смысловой итог. Песня старого бандуриста передает ход событий, предшествовавших тем, которые разворачиваются в первых пятнадцати главах. Она, в свою очередь, состоит из двух частей, события в которых разворачиваются в двух мирах – бытовом и волшебном. Во второй ее части действие происходит в волшебном пространстве, но имеет непосредственную причинно-следственную связь с бытовым пространством, то есть сочетается между собой по принципу: бытовое пространство (причина) – волшебное пространство (следствие). Поэтому события, разворачивающиеся в первых пятнадцати главах, как бы уже заранее predeterminedены, поскольку в них реализуется божественная воля, а это, в свою очередь, значительно суживает диапазон возможных сюжетных действий. В повести все, в конечном счете, должно свестись к заранее predeterminedенному финалу – реализации потусторонних посмертных пожеланий казака Ивана.

Художественное пространство – одна из составных частей условного языка искусства. Ю. М. Лотман отмечал, что "сюжет повествовательных литературных произведений обычно разворачивается в пределах определенного локального континуума. Наивное читательское восприятие стремится отождествить его с локальной отнесенностью эпизодов к реальному пространству (например, географическому). Однако существование особого географического пространства совсем

не сводится к простому воспроизведению тех или иных локальных характеристик реального ландшафта..." [10, с. 251]. Это замечание полностью применимо и к "Страшной мести" Гоголя. Действие в повести разворачивается в различных типах пространства, которые в своей совокупности и образуют единое художественное пространство произведения.

Персонажи произведения могут быть условно разделены на реальные и фантастические, учитывая возможность совершения ими действий и поступков, характерных для бытового пространства того времени. Такая дифференциация персонажей позволяет более четко представить степень задействованности того или иного образа в различных типах пространства. С помощью введения в повесть целого ряда фантастических действующих лиц Гоголь усилил характерную для его творчества идею загробного воздаяния каждому человеку за его земные грехи.

К волшебным персонажам можно отнести Бога, колдуна (выступающего в бытовом пространстве также в роли отца Катерины и брата Копрына), его свиту – ряд низших демонических существ, оживших мертвецов, святую силу, душу Катерины, чудо-богатыря – конного всадника. В бытовом пространстве им противостоят семья пана Данила (Данило, его жена Катерина и их сын Иван), семья есаула Горобца, многочисленные слуги Данила (Стецько и др.), ляхи, схимник, слепой бандурист и др. Поэтому полностью разграничение персонажей повести провести невозможно, поскольку они задействованы в различных типах пространства как в качестве действующих лиц, так и занимая позицию наблюдателя. Но все же основные отличия можно увидеть сквозь соотнесенность персонажей с возможностью совершения ими тех или иных действий (реальных или фантастических) (см. приложение). Из подобного соотношения вытекают те действия, которые ассоциируются с образом колдуна и нечистой силы, с одной стороны, и с образом Бога и святой силы – с другой. Можно выделить следующий ряд фантастических событий, связанных с образом колдуна: 1) возможность перевоплощения, принятия им облика другого человека (на свадьбе у есаула Горобца, во время посещения Катерины в облике боевого побратима пана Данила – брата Копрына); 2) колдовство – способность наполнения комнаты светом без источника света, вызывание им низших демонических существ (нетопыри и др.) и души живого человека во время его сна (души Катерины), околдовывание людей во время заточения и приковывания его в подвале пана Данила ("... я напустил им в глаза туман и, вместо руки, протянул им сухое дерево") [5, с. 262–263]; 3) способность колдуна проходить сквозь материальные преграды (стены)).

Действия и события, связанные в повести с образом Бога и святой силы, следующие: 1) вставание мертвецов из своих могил, как результат удовлетворенного Богом желания Ивана; 2) сила святых икон, способная изничтожить злые замыслы колдуна (на свадьбе у сына есаула Горобца); 3) сила стен, построенных святым схимником и не дающих возможности колдуну пройти сквозь них; 4) возможность, данная Богом богатырю преодолевать пространство по воздуху; 5) наказание, данное Богом Ивану за чрезмерно суровую казнь, которую он придумал для Петра и его рода; 6) улыбка коня как очередное предупреждение колдуну; 7) "покраснение" букв в книге святого схимника; 8) жизнь колдуна после его физической смерти; 9) жизнь мертвецов из рода Петра.

Таким образом, выделение типа пространства, в дальнейшем характеризуемого как волшебное, в первую очередь связано со сверхъестественными действиями фантастических образов. Актуальным в данном контексте является вопрос о границах между бытовым и волшебным пространством. Одни и те же персонажи, действуя в различных мирах, способствуют максимальному сближению этих миров между собой, поскольку наделяют бытовое пространство чертами волшебного, размывают границы между ними. Поэтому под волшебным подразумевается такое пространство, в котором совершаются фантастические действия, происходят нереальные события. С таким типом художественного пространства мы сталкиваемся во 2, 4, 10, 12, 14, 15 и 16 главах. Но, следует отметить, не всегда волшебное пространство отождествляется только с деятельностью inferнальных сил. Оно проникает в обыденное, повседневное пространство, наделяя его фантастическими особенностями (напр., структура мироздания, земли и т. п.). Поэтому трудно провести четкие грани между двумя типами пространства: волшебное пространство состоит из материальных вещей, эксплицированных в обыденном мире, а географическое пространство наделяется волшебными чертами.

Каждая глава произведения представляет собой рассказ о событиях, разворачивающихся в бытовом или волшебном пространстве. Волшебное пространство способно претерпевать ряд различных по характеру изменений. Они обуславливаются самой природой inferнальных образов, их неограниченным протезизмом. Поэтому художественное пространство "Страшной мести" максимально свободное, не терпящее никаких границ между различными его составляющими. Основные составляющие художественного пространства повести могут быть представлены следующим образом:

1. Объекты: хата пана Данила, подвал пана Данила, землянка и замок колдуна, пещера схимника, придорожная пограничная корчма, имение есаула Горобца, земляной вал, Братский монастырь.

2. Географические составляющие: а) места в пространстве, представленные нарицательными названиями: двор пана Данила, имение есаула Горобца (не-объекты), окружающая двор пана Данила местность, поле, "широкие луга, зеленые леса", кладбище, дорога к запорожцам; б) гидронимы: Соленое озеро, Днепр, Черное море, Лиман, Сиваш; в) горы и горные системы: Карпатские горы, гора Криван; г) населенные пункты и города: хутор пана Данила, Киев, Шумск, Глухов, Канев, Черкасы, Галич, Лемберг; д) страны и территории: святые места в Киеве, Заднепровье, Галицкая земля, Крым, Украина, "православная Русская земля", "чужая земля", Польша, Валахия, Седмиградская область, Венгрия, Турецкая земля, Перешляй поле, "иные неверные земли".

3. Представления о структуре мира и Вселенной: "мир", "весь мир", "вся земля", "все концы света", "этот и тот свет", "местообитание" Бога.

Некоторые образы действуют в различных типах пространства под разными именами: напр., отец Катерины, брат Копрян – в бытовом пространстве, колдун – в волшебном пространстве; Катерина – в бытовом пространстве, ее нематериальное потустороннее воплощение – душа, обладающая свойствами живых существ (напр., способностью вести разговор) – в волшебном пространстве. Интересно, что и в том, и в другом типах пространства существуют прямые генеалогические отношения по схеме "отец – дочь". С подобной сюжетной схемой мы сталкиваемся и в песне бандуриста, где Иван и Петро свои жизненные взаимоотношения в "этом" мире (бытовое пространство) продолжают и в мире "том" (волшебное пространство) при посредничестве Бога. Эти образы в ходе развития сюжета повести неожиданно трансформируются. Так, "воплощением" Ивана в его "вторичном" земном появлении является чудо-богатырь, от Петра же можно провести целую генеалогическую цепочку, которая в хронологической последовательности будет выглядеть следующим образом: Петро – мертвецы – колдун – Катерина – сын Катерины Иван.

Текст песни старого бандуриста также моделирует двухчастную бинарную пространственную оппозицию текста повести по схеме "бытовое пространство – волшебное пространство". В бытовом пространстве песни казаки Иван и Петро заключают между собой договор о побратимстве. Условия этого договора соблюдаются ими до начала войны короля Седмиградского и Ляшского Степана с "турчином" (см. [17, с. 82–83]), до момента взятия в плен Иваном турецкого паши. За этот подвиг Иван получил от короля Степана денежное вознаграждение и обширные земли в свое владение. По условиям договора, он поделил все это с Петром, но, тем не менее, вызвал у того жгучую

злобу и зависть. По дороге на подаренную Степаном землю, Петро столкнул Ивана с сыном в пропасть и завладел всеми его богатствами до самой своей смерти. Так описывается земная жизнь побратимов. В процессе развития сюжетного действия песни мы не сталкиваемся с какими-то событиями сверхъестественного характера. Все, что происходит легко, проецируется на действительность, соотносится с пространственно-географическими ориентирами ("ехали... за Карпат" [5, с. 280]). Переходя в волшебное пространство, сюжетные события продолжают ранее намеченную линию. Центральным, кульминационным их пунктом является божий суд, на котором выносятся не подлежащий никаким изменениям вердикт.

Еще одной чертой волшебного пространства является максимальная свобода действий, происходящих в нем. Они носят либо абсолютно произвольный характер, либо связаны с различными изменениями и модификациями пространства (способность волшебных персонажей к прохождению через материальные объекты и преграды; возможность животных к осуществлению таких действий, которые в бытовом пространстве свойственны только людям (напр., улыбка коня); перевоплощение персонажей, изменение ими своего внешнего облика; одушевленность мертвецов; путешествия по воздуху без материальной точки опоры и др.).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Соотношение реальных и фантастических событий в повести "Страшная месть"

Глава	Место, где происходит событие	Реальные события	Фантастические события	Взаимодействие миров, тип взаимодействия, участники взаимодействия
1	2	3	4	5
1)	Околица Киева, имение есаула Горобца	Свадьба сына есаула, пир, веселье, музыка	Превращение козака под воздействием силы святых икон в колдуна	Наблюдение людей за перевоплощениями колдуна, "укрощение" колдуна. Переплетение событий. Есаул – колдун, наблюдавшие люди
2)	Водная гладь Днепра	Возвращение Данила с женой, сыном и козаками домой со свадьбы	Выход мертвецов из могил и их крики	Наблюдение с лодки за поведением мертвецов. Позиция наблюдателя. Сидевшие в лодке – мертвецы

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5
3)	Хутор Данила, его хата	Сон, разговор отца-колдуна с Данилом и Катериной, бой между ними, ранение Данила		Участие колдуна в реальных действиях (так же как и в главах 6, 9, 11, 13, 15). Переплетение событий. Семья Данила – колдун
4)	Хата Данила, замок колдуна	Сон Катерины, разговор ее с Данилом, приход колдуна, вечера, решение Данила посетить замок колдуна, приход к замку	Колдовство колдуна в замке, появление нетопырей и души Катерины	Наблюдение Данила за фантастическими действиями колдуна, видение неестественных существ. Позиция наблюдателя. Данило со слугой – колдун со своей свитой
5)	Хата Данила	Разговор Катерины с Данилом, отречение ее от отца		
6)	Подвал Данила	Разговор колдуна с Катериной, которая выпускает его и теряет сознание	"Помешательство" людей во время заковывания в цепи колдуна в заточении: колдун напускает в глаза туман и вместо него в цепи заковывается сухое дерево	Переплетение событий. Катерина – колдун, заковывавшие колдуна – колдун
7)	Место возле подвала	Разговор Катерины с прислужницей и Данилом		
8)	Корчма на пограничной дороге	Подготовка ляхов к набегу на хутор пана Данила		
9)	Светлица Данила и окружающее ее пространство	Нападение ляхов, бой, убийство колдуном Данила		Переплетение событий. Колдун – Данило
10)	Землянка на берегу Днепра		Колдовство колдуна, появление "непрошеного лица" (богатыря)	
11)	Поместье есаула Горобца в Киеве	Разговор Катерины с семейством есаула, убийство ее сына		Переплетение событий. Колдун – сын Катерины
12)	Карпатские горы		Всадник-богатырь скачет над горами	
13)	Хата Данила	Помешательство Катерины, появление колдуна в облике побратима Данила, убийство им Катерины		

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5
14)	Карпатские горы		Погоня богатыря за колдуном	
15)	Пещера схимника. Волшебное пространство	Убийство колдуном схимника	"Буквы в книге налились кровью", появление мертвецов, смерть колдуна от руки богатыря, мертвецы грызут колдуна	Переплетение событий. Схимник – колдун
16)	Город Глухов	Песня старого слепца-бундуриста. В тексте песни история жизни братьев-побратимов Петра и Ивана	В тексте песни: божий суд, удовлетворение Богом желаний Ивана, но вместе с тем и наказание его	Смена бытового пространства волшебным в тексте песни, без непосредственного проникновения одного типа пространства в другое

Литература

1. Абрамович С. Д. Міфологізація Карпат в повісті Гоголя "Страшна помста" / С. Д. Абрамович // М. Гоголь і світова культура. – К. ; Ніжин, 1994. – С. 50–52.

2. Александров А. В. Сюжетные мотивы в "Страшной мести" Гоголя и "Вадиме" Лермонтова / А. В. Александров // Наследие Гоголя и современность : в 2 ч. – Нежин, 1988.

Ч. 1. – 1988. – С. 34–35.

3. Арват Н. Н. Художественное время в повести Гоголя "Страшная месьть" / Н. Н. Арват // Література та культура Полісся. – Ніжин, 1990. – Вип. 1. – С. 122–123.

4. Арват Н. Н. Художественное пространство в повести Гоголя "Страшная месьть" / Н. Н. Арват // Творчество Гоголя и современность : в 2 ч. – Нежин, 1989.

Ч. 2. – 1989. – С. 101–103.

5. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. : в 14 т. / Н. В. Гоголь. – М., 1940.

Т. 1. – 1940.

6. Державин В. Н. Фантастика в "Страшной мести" Гоголя / В. Н. Державин // Наукові записки науково-дослідчої катедри історії української культури. – К., 1927.

7. Заярная И. С. Традиции барокко в повестях Гоголя "Страшная месьть" и "Портрет" / И. С. Заярная // Гоголь и современность: К 185-летию со дня рождения. – К., 1994. – С. 149–155.

8. Зелинский А. Г. Мифопоэтика повести Гоголя "Страшная месьть" / А. Г. Зелинский // Література та культура Полісся. – Ніжин, 1996. – Вип. 7. – С. 19–20.

9. Крохмальний Р. Модуль метаморфози: Текст у тексті (на матеріалі повісті Гоголя "Страшна помста") / Р. Крохмальний // Молода нація. – 1996. – № 5. – С. 95–100.

10. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь / Ю. М. Лотман. – М., 1988.

11. Манн Ю. В. Поэтика Гоголя / Ю. В. Манн. – М., 1988.

12. Машинский С. И. Художественный мир Гоголя / С. И. Машинский. – М., 1971.

13. Семків Р. Особливості рецепції мітичних структур: На прикладах творів "Марко Проклятий" О. Стороженка, "Страшна помста" Гоголя, "Тіні забутих предків" М. Коцюбинського та стрілецької поезії 1914–20 років / Р. Семків // Молода нація. – 1996. – № 5. – С. 92–94.

14. Скиба Р. Фольклорні моделі у літературному тексті: Темрява та її противага в " Страшній помсті" Гоголя / Р. Скиба // Молода нація. – 1996. – № 5. – С. 101–104.

15. Чумак Т. М. Жанровое своеобразие повести Гоголя "Страшная месть" / Т. М. Чумак // Наследие Гоголя и современность : в 2 ч. – Нежин, 1988.

Ч. 2. – 1988. – С. 7–8.

16. Чумак Т. М. Идея возмездия в повести Гоголя "Страшная месть" / Т. М. Чумак // Творчество Гоголя и современность : в 2 ч. – Нежин, 1989.

Ч. 1. – 1989. – С. 38–39.

17. Чумак Т. М. Исторические реалии в повести Гоголя "Страшная месть" / Т. М. Чумак // Вопросы русской литературы. – 1983. – Вып. 2 (42). – С. 79–86.

18. Чумак Т. М. Мотив побратимства в повести Гоголя "Страшная месть" / Т. М. Чумак // Вопросы русской литературы. – 1987. – Вып. 2 (50). – С. 54–60.

19. Чумак Т. М. Фольклорные истоки повести Гоголя "Страшная месть" / Т. М. Чумак // Література та культура Полісся. – Ніжин, 1990. – Вип. 1. – С. 120–121.